

Хамраева Ёркиной Набижановна

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются отличительные особенности звукоподражательных слов русского и узбекского языков.

В сравнительном аспекте подробно излагаются грамматические свойства узбекских единиц данной категории, не свойственные русским звукоподражаниям. Автор статьи намеренно употребляет в данной работе термин "таклиды", а не "звукоподражания", как более точно передающий особенности узбекских слов-подражаний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 186-189. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Гилязов А. Весенние караваны: повесть / перевод с татарского Рашида Ахунова // Волга. 1979. № 6. С. 14-57.
2. Гилязов А. Любовь и ненависть: повести. М.: Современник, 1979. 448 с.
3. Гилязов А. Оглянуться, чтобы понять // Вечерняя Казань. 1987. 3 марта.
4. Гилязов А. При свете зарниц: повести. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1986. 542 с.
5. Гилязов А. Растеклась бы золотом // Родная Волга. 1986. № 12. С. 2-21.
6. Гилязов А. Три аршина земли // Дружба народов. 1964. № 6. С. 65-104.
7. Гыйләжев А. Татарстан могжизасы: хатирәләр, очрашулар, уйланулар // Казан утлары. 1981. № 10. С. 4-35.
8. Гыйләжев А. Үзем турында үзем // Архив писателя. Рукопись. 1973.
9. Гыйләжев А. Язгы кәрваннар: повесть // Казан утлары. 1974. № 8. Б. 8-40.
10. Заһидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. Аяз Гыйләжев (1928-2002) // Заһидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы. Казан: Казан ун-ты, 2011. Т. 2. Б. 81-99.
11. Лебединская Л. Испытания жизнью // Литературная Россия. 1988. 11 июля.
12. Мөхәмәдиев Р. Күнелдәге эзләр // Казан утлары. 1980. № 10. Б. 133-142.
13. Мусин Ф. Киң гомумиләштерү юлына // Социалистик Татарстан. 1976. 1 февраля.
14. Мустафин Р. Заметки на полях четырехтомника Аяза Гилязова // Татарстан. 1996. № 1. С. 61-66.
15. Сверигин Р. Х. Замандашлар бәхетен кайгыртып // Казан утлары. 1986. № 7. Б. 148-153.
16. Хабутдинова М. М. Национальный миф в повести А. М. Гилязова «Три аршина земли» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 1 (16). С. 103-109.
17. Хабутдинова М. М. Национальный хронотоп в творчестве А. Гилязова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 2 (20). С. 188-196.
18. Хәснәи Ф. Без китмәскә килдек! // Казан утлары. 1973. № 2. Б. 172-179.
19. Ghiliazev A. Spring Caravans // Tatar Literature Today. Kazan: Magarif Publisher, 1998. P. 56-61.

“SPRING CARAVANS” (1972) BY A. M. GHILIAZEV: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION

Khabutdinova Mileusha Mukhametzyanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
mileuscha@mail.ru

The article analyzes the ideological and literary originality of the story “Spring Caravans” (1972) by A. M. Ghiliazev. The paper summarizes the material on the history of text creation and existence. The dynamics in critics’ estimations is revealed. National specific, or ethno-cultural, concepts, revealing the value priorities of culture and reflecting the national character, are considered in the course of the images system analysis. The role of chronotopes, proper names, and symbols-signs as methods of expressing the author’s position in a literary text is revealed.

Key words and phrases: Tatar literature; A. M. Ghiliazev; critical realism; image of teenager; Tatar national character; national traditions; autobiography.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются отличительные особенности звукоподражательных слов русского и узбекского языков. В сравнительном аспекте подробно излагаются грамматические свойства узбекских единиц данной категории, не свойственные русским звукоподражаниям. Автор статьи намеренно употребляет в данной работе термин «таклиды», а не «звукоподражания», как более точно передающий особенности узбекских слов-подражаний.

Ключевые слова и фразы: звукоподражательные слова; таклиды; междометия; промежуточные части речи; синтаксические функции.

Хамраева Ёркиной Набижановна, к. филол. н.
Каршинский государственный университет, Узбекистан
yorqinoyhamraeva67@mail.ru

**ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ
СЛОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

В узбекском языке выделяется особая группа слов, стоящих между знаменательными и служебными частями речи, называемых таклидами (*Taqlid* узб. – подражание). По семантическим и синтаксическим свойствам узбекские таклиды отличаются от самостоятельных и вспомогательных слов. В русском языке также существуют

звукоподражательные слова или, как называют их иначе, звукоподражания. В лингвистических словарях эти термины толкуются следующим образом: «**Звукоподражательные слова** – это слова, по своему звуковому оформлению являющиеся воспроизведением рефлексивных восклицаний людей, звуков и криков, издаваемых животными, птицами, звуков явлений природы, звуков, издаваемых предметами, и т.д. По внешнему виду некоторые звукоподражательные слова сближаются с междометиями, однако отличаются от них, так как не выражают ни чувств, ни волеизъявлений. Используются как экспрессивно-стилистическое средство отображения действительности – *мяу-мяу, гав-гав, ква-ква, ку-ку, тик-так, трах-тах-тах*» [10], или «**ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ**. Неполнозначительная часть речи, служащая для *имитации звуков живой и неживой природы* и тем самым создающая представление о процессах, признаках и предметах реального мира» [2, с. 111].

Данные толкования в той или иной форме описывают свойства звукоподражательных слов русского языка, однако названные термины нецелесообразно применять по отношению к таким единицам узбекского языка, так как они отличаются несколькими характерными особенностями, которые не свойственны звукоподражательным словам сравниваемого языка. Эти особенности сводятся к следующему.

Во-первых, таклиды в узбекском языке, в отличие от русских звукоподражательных слов, имеют характер подражания не только звукам окружающего нас мира, но и явлениям, образам, а также действиям и состояниям. По семантическим признакам таклиды делятся на две группы. Первую группу составляют звукоподражания, тождественные таким русским единицам. Например: *qah-qah* (подражание смеху), *taq-tuq* (подражание стуку), *dupur-dupur* (подражание топоту), *shitir-shitir* (подражание шелесту) и т.д. Однако и здесь о полном тождестве русских и узбекских звукоподражаний не может быть и речи, так как «тюркские языки обладают особой звукоизобразительностью» [3, с. 162]. А ко второй группе относятся все остальные слова со значением подражания, например, такие как следующие:

- *dik* (подражание действию, движению тела): *Anvar dik etib o`rnidan turdi* / *Анвар вскочил с места (как зайчонок)*;
- *mo`lt-mo`lt* (подражание движению глаз): *Bola mo`lt-mo`lt javdirardi* / *Ребенок смотрел жалобным взором*;
- *lapang-lapang* (подражание ходьбе): *U ayiqqa o`xshab lapang-lapang qilib yuradi* / *Он как медведь ходит вразвалку*.

Во-вторых, в узбекском языке таклиды морфологически изменяются, то есть без субстантивации к ним присоединяются падежные и притяжательные аффиксы. В русском же языке звукоподражательные слова не обладают такими свойствами;

В-третьих, таклиды, так же, как и самостоятельные части речи, могут выполнять любую синтаксическую функцию в предложении. Например:

(1) *Otlarning dupur-dupuri ancha vaqtgacha eshitilib turdi* [11, б. 368]. / *Долго был слышен конский топот*. В данном предложении парное слово-таклид «*dupur-dupur*» (звукоподражание топоту, глухому, прерывистому звуку), грамматически изменяясь с помощью притяжательного аффикса единственного числа 3 лица «*-i*», выполняет функцию подлежащего.

(2) *Atrof g`ala-g`ovur* [4, б. 136]. / *Вокруг суматоха*. Здесь слово-таклид «*g`ala-g`ovur*» (шум, гам, суматоха) является именным сказуемым.

(3) *Shayh Bahlul ot dukurini eshitishi bilan sham yoqdi* [1, б. 608]. / *Шейх Бахлул, как только услышал конский топот, зажег свечу (Айбек, «Навои»)*. Фонетический вариант «*dukur*» уже знакомого нам слова-таклида «*dupur*», с притяжательным аффиксом единственного числа 3 лица, принимает форму винительного падежа и выполняет функцию прямого дополнения.

(4) *Bemor yuragining duk-duk urishi aniq eshitalardi*. / *Четко слышалось сильное сердцебиение больного*. В этом предложении слово-таклид «*duk-duk*» (звукоподражание глухому стуку), используя вместо качественного прилагательного, выступает в роли определения.

(5) *Osmonda yulduzlar milt-milt yonardi*. / *На небе слабо мигали звезды*. В данном предложении слово-таклид «*milt-milt*» (образоподражательное слово со значением мерцания, мигания, слабого света), выступает в роли обстоятельства образа действия. (Примеры слов-таклидов для данной статьи мы взяли из «Узбекско-русского словаря» [6], однако предложения, где не указываются ссылки, были составлены и переведены на русский язык нами.)

Как видим, слова-таклиды в узбекском языке могут выполнять как функцию главных, так и второстепенных членов предложения. И в русском языке эти значения передаются другими частями речи. А русские звукоподражательные слова не выполняют какой-либо синтаксической функции в предложениях.

В-четвертых, являясь каким-либо членом предложения, таклиды отвечают на определенные вопросы. Так, к примеру, если в первом предложении слово-таклид, являясь субъектом, во втором – предикатом, а в третьем – объектом, отвечает на вопрос «*что?*», то в четвертом, выполняя атрибутивную функцию, отвечает на вопрос «*какое?*», а в пятом, указывая на образ действия, – на вопрос «*как?*» («*каким образом?*»).

И в русском, и в узбекском языках такие единицы используются преимущественно парно. Узбекские таклиды в sdвоенной форме применяются как один из способов словообразования. Например: *pichir-pichir* (*шепот*), *shildir-shildir* (*журчанье*), *shitir-shitir* (*шелест*), *qiy-chuv* (*суматоха*), *g`ala-g`ovur* (*гомон*) и т.д. Однако в узбекском языке, хоть и редко, но встречаются единичные слова-таклиды, как, например, в третьем предложении, или такие, как: *to`q* (звукоподражание стуку), *miyov* (мяу-мяу), *mo`* (звукоподражание мычанию)

коровы), *inga* (звукоподражание крику новорожденного), *g`iyi* (звукоподражание скрипу, визгу), *lip* (подражание движению тела), *viz* (подражание движению летающего объекта или ветра) и т.д.

В сравниваемых языках единицы данной категории служат морфемной основой для образования новых слов. К примеру, в русском языке с помощью звукоподражательных слов «тук», «грох», «чик-чирик» образованы существительные *стук*, *грохот*, *чирикание* и глаголы *стучать*, *грохотать*, *чирикать*. Но не все морфемы такого типа образуют новые слова. К примеру, с помощью слов «динь-динь» и «дзинь-дзинь» нельзя образовать существительные типа «диньканье» или «дзиньканье». А в узбекском языке таклиды являются одной из самых плодотворных словообразующих корневых морфем, так как любое слово-таклид может стать основой новообразованного слова. От таких единиц образованы, к примеру, некоторые имена существительные: «*jiz*» – *jizza* (выжарки, шкварки), «*qars*» – *qarsak* (хлопок, аплодисменты), «*tars*» – *tarsaki* (пощечина). Но особенно часто таклиды используются при образовании глаголов. При помощи словообразующих суффиксов от таклидов образованы, например, следующие глаголы: *pichirlamoq* (*шептать*), *shildiramoq* (*журчать*), *shitirlamoq* (*шелестать*), *taqillamoq* (*издавать стук*), *taqillatmoq* (*стучать*), *mitillamoq* (*мигать*), *mitiramoq* (*мерцать, поблескивать*), *shaqirlamoq* (*трещать, щелкать, стрекотать*), *shaqillamoq* (*бурлить, хлопотать*), *tirillamoq* (*тарахтеть, барабанить*), *tirsillamoq* (*трещать, потрескивать*), *dikanglamog* (*скакать, прыгать, подпрыгивать*), *xirillamoq* (*хранеть, хрипеть*), *hiringlamog* (*хухукать*), *hiqillamoq* (*хныкать, всхлипывать*), *biqirlamoq* (*булькать*), *to`ng`illamoq* (*ворчать, бурчать*), *ming`irlamoq* (*бормотать*) и т.п. А также с помощью вспомогательных глаголов *etmoq*, *demoq*, *qilmoq* в узбекском языке образуются сложные формы глаголов (т.е. составные глагольные сказуемые). Например: *shuv etmoq* – издавать легкий шум; *g`ala-g`ovur qilmoq* – шуметь, бушевать; *vov demoq* – гавкать и т.д.

Следует отметить, что полисемия узбекских таклидов проявляется именно в структуре сложных глаголов или глагольных сочетаний. Например:

(а) 1. *Yalt etib qaramoq*. / Бросить быстрый взгляд. 2. *Chaqmoq yalt etdi*. / Молния блеснула. 3. *Uzoqda bir nima yalt etib ko`rindi*. / Вдали что-то промелькнуло. 4. *Yalt etib esimga tushdi*. / Мне вдруг вспомнилось.

(б) 1. *Eski devordan shuv etib tuproq to`kildi*. / Со старых стен с шумом осыпалась глина. 2. *Ro`paramizdan shuv etib mashina o`tib ketdi*. / Мимо нас быстро проехала машина. 3. *Yuragim shuv etdi*. / У меня сердце екнуло.

(в) 1. *Tars qilib sinmoq*. / Разбиться с треском. 2. *Yuragim tars etib yorilayozdi*. / У меня сердце чуть не разорвалось. 3. *Eshikni tars etib yortmoq*. / Громко хлопнуть дверью. 4. *Tilni tars yoradigan qovun*. / Очень сладкая дыня.

Итак, нам стало известно, что узбекские таклиды отличаются от русских звукоподражаний более широким семантическим объемом и количеством грамматических возможностей.

Известно, что в русском языке звукоподражательные слова иногда относят к междометиям [5, с. 531]. Если А. А. Шахматов указывает, что междометие – «... часть речи, включающая в себя слова, которые как в форме выкрика или звукоподражания, так и в форме, присвоенной другим частям речи, выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако их названиями» [8, с. 507-508], то И. Г. Милославский считает междометия, наряду со звукоподражаниями, словами вне частей речи [5, с. 530]. «Ряд авторов подчеркивает, что не следует отождествлять эти похожие фонетически, но разные по морфологическим признакам части речи. Звукоподражания и интеръекционные единицы значительно разнятся по происхождению, семантическому содержанию и функции в речи» [Там же, с. 158].

В узбекском языкознании вопрос о категориальной принадлежности таклидов по сей день остается спорным. В словаре лингвистических терминов узбекского языка А. А. Ходжиева данная категория слов характеризуется следующим образом: «СЛОВО-ТАКЛИД. Слово, выражающее подражание звукам, движениям, состояниям, образам людей, животных и других предметов. Различаются два вида таклидов: 1) подражание звукам; 2) подражание образам» [9, б. 102] (*перевод автора – Х. Ё.*). А в «Грамматике узбекского языка» подробно излагаются виды звукоподражательных и образоподражательных слов, их функционально-стилевые особенности. Однако они рассматриваются наряду с модальными словами и междометиями, а вопрос, касающийся отнесения данных единиц к той или иной части речи, все же остается не раскрытым [1, б. 602-608]. На протяжении многих лет таклиды характеризовались как промежуточная часть речи, но встречаются некоторые лингвистические источники, где они оцениваются как седьмая знаменательная часть речи наряду с именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, глаголами и наречиями [4, б. 136-137]. Ученые, которые не согласны с такой классификацией, аргументируют свою позицию с тем обстоятельством, что в большинстве случаев таклиды лишены содержательного плана вне контекста. К сожалению, национальная специфика и лексико-семантические особенности таклидов в узбекском языкознании не достаточно исследованы, имеются лишь некоторые научные труды, в которых частично рассматриваются грамматические свойства данной категории. И, следовательно, данная группа слов ждет своих исследователей в синхроническом, диахроническом, а также сравнительно-историческом аспектах.

Список литературы

1. **Грамматика узбекского языка (Ўзбек тили грамматикаси). Морфология.** Тошкент: ФАН, 1975. Т. I. 612 б.
2. **Жеребило Т. В.** Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
3. **Панькина Е. В.** Сопоставительное исследование восприятия звукоподражаний алтайского и монгольского языков русскоязычными носителями // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (21) 2013. Ч. 2. С. 161-163.

4. Сайфуллаева Р. ва бошқ. Ҳозирги ўзбек адабий тили (Современный узбекский литературный язык). Ташкент: ЎзМУ, 2005. 386 б.
5. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
6. Узбекско-русский словарь. Ташкент: Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии, 1988. 727 с.
7. Учваткин А. А. Междометие как объект лингвистических исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (8) 2011. С. 157-158.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
9. Ҳожиев А. Тилшунослик терминларининг изоҳли луғати (Словарь лингвистических терминов). Тошкент: ЎзМЭ давлат илмий нашриёти, 2002. 166 б.
10. <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/zvukopodrazhatelnie-slova/?q=486&n=601>
11. Mengliyev B., Xoliyorov O`. O`zbek tilidan universal qo`llanma. Toshkent: FAN, 2007. 432 b.

DISTINCTIVE FEATURES OF ONOMATOPOETIC WORDS IN RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Khamraeva Erkinol Nabizhanovna, Ph. D. in Philology
Karshy State University, Uzbekistan
yorqinoyhamraeva67@mail.ru

The article considers the distinctive features of onomatopoeic words of the Russian and Uzbek languages. The grammatical properties of the Uzbek units in this category, not peculiar to the Russian onomatopoeia, are expounded in detail in a comparative aspect. The author deliberately uses in this article the term “taqlids” and not “onomatopoeia” as it more accurately conveys the features of the Uzbek onomatopoeic words.

Key words and phrases: onomatopoeic words; taqlids; interjections; intermediate parts of speech; syntactic functions.

УДК 8;11.111'01

Филологические науки

В рамках ономастических исследований и ранее предпринимались попытки описать принципы именования, но при этом исследователи использовали однотипный и хронологически дисперсный именной материал. Приведенный в данной статье анализ описывает новый принцип именования, объединяя поэтическую форму записи родословной согласно правилам аллитерации с законами фонестезии. Кроме того, автор основывает свой анализ на разнообразном и хронологически цельном материале архива города Винчестер.

Ключевые слова и фразы: имя собственное (first name); аллитерация; тулы; фонестезия; англосаксонский; Винчестер; Беовульф.

Хоцкина Ольга Валерьевна

Новосибирский государственный университет
m04kho01@gmail.com

ФОНЕСТЕЗИЯ КАК ПРИНЦИП ИМЕНОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ И АНТРОПОНИМИКОНА ГОРОДА ВИНЧЕСТЕР В ПЕРИОД X-XIV ВВ.)[©]

Статья посвящена новому принципу рассмотрения англосаксонского именного материала, в основе которого находятся фонестезия¹ и фонестетика². Основной целью данной статьи является возможность проследить базовые законы аллитерации на богатом именном материале города Винчестер, Англия X-XIV вв. Кроме того, в статье приводится отсылка к схожим процессам у древних германцев и в период раннего Средневековья на материале «Беовульфа» и «Англо-Саксонской хроники». Представленный обзор антропонимикона города Винчестера является попыткой рассмотреть один из обнаруженных нами принципов именования в рамках проводимого диссертационного исследования.

Обратимся к древним поэтическим особенностям, включающим принцип аллитерации. Традиционной формой записи родословной героев являются тулы³ германцев, которые являлись хронологическим и нередко

© Хоцкина О. В., 2014

¹ Фонестезия (*phonaesthesia* – /fəʊnəs'ti:ziəl/) от греч. *phōnē* «звук» + *aesthesthai* «воспринимать». Данный термин начал использоваться в лингвистике с 1950-х годов. Он обозначает приписывание общих смыслов или коннотаций определенным последовательностям звуков, обычно последовательностям согласных звуков.

² Фонестетика (*phonaesthetics*) – это наука, изучающая эстетические особенности звуков речи и их последовательности.

³ Тула (*tula*) – древнегерманский поэтический перечень антропонимической информации, представленной в соответствии со всеми правилами аллитерационного стихосложения. Термин введен в использование относительно древнеисландской поэзии, этимология термина древнеисландская и означает «перечисление».